

Город, где автор прожил до прихода украинских ультраправых, считался космической столицей СССР. Там рождалась ракетная техника.

В свое время там гульбанил Нестор Махно. Позже Днепропетровск слыл кузницей кадров Брежнева. Вообще там происходило много чего интересного.

Город не из рядовых.

В 1997-м сбежал за кордон от украинской Фемиды премьер-министр Павел Лазаренко, который владел большой недвижимостью в Днепропетровске. Но в Америке он сел в тюрьму. Подельницей в его преступлениях была «газовая принцесса» Юлия Тимошенко.

В 98-м обострилась политическая борьба на Украине.

В это время главного героя – студента журфака – больше интересовали литературные события, но и мимо политических он не мог пройти.

Сейчас этот город называется Днепр.

Днепропетровск – машиностроительные заводы, космические технологии, фантастические поэты и писатели.

Днепроветровск – студенческая жизнь, тоска по мировой культуре и вынужденное подполье.

Автору вспоминается именно Днепроветровск.

Февраль

1. Галя

Весь февраль 1998-го помещался для меня в четыре буквы – «Галя».

Она написала мне стихотворное посвящение, которое ни разу не показала и не озвучила. И загадка безумно интриговала меня.

А всё началось в троллейбусе, когда я услышал ее разговор с Аллой о писателе, которым давно зачитывался. Оказалось, что две румяные красотки с факультета журналистики тоже взыскательны к его произведениям. Я спросил Галю о чем-то, это и повлекло кутерьму наших встреч.

Она – рыжеволосая, теплая, тонкая, волшебная и уплывающая в дальние диапазоны, подобно призрачной радиоволне, фея...

Ее восхищало или удивляло странное несоответствие женского и мужского мира – мы шли в комнату, ныряли под одеяло, изучая приличные части тела, языки сплетались во взрыве прелюдии к любви, когда выключался свет, и журналы отталкивались к берегам тишины, книги отпускались в свободное плавание молчания. Но нет, страсть не накрыла нас с головой.

Галя удивляла своим выбором в музыке: ей нравились группы вроде «Иванушек», она лирически сопереживала судьбе кукол и чуть ли не рыдала вопреки тексту. «Кукла Таня, не плачь», «Кукла Маша, не плачь», «Кукла Саша, не плачь, не плачь...» Галя плакала, и ее горячие слезы плыли по моим щекам, она тонула головой в моем плече, когда мы наблюдали за звездами в общежитии близ кор-

пусов медицинского института и разговаривали о тайнах мироздания.

Когда я немножко слег с простудой, в ее комнате завелся политолог.

Она ушла к нему. Наверное, опять же сквозь слезы и трезвые раздумья, советы с родителями. Политика важней литературы. Эксперт по реформам и социальным технологиям котируется выше, чем такой экспериментальный поэт и не менее экспериментальный эссеист, как я.

Галю трудно было забыть. И невозможно вернуть. Поэтому моя жизнь превратилась в морок.

2. На лекции

Немножко заспанное университетское утро. Лектор Ирина Никитина рассматривает события 20-30-х годов. Что еще услышишь от нее, кроме проповеди либерализма? Советский Союз – тираническая система, западный мир – свободный и открытый.

Я витал в облаках, политика по боку. Скептически внимая лектору, думал об утренней девушке. Она позвонила мне по домашнему телефону, постеснявшись, наверное, представиться. Вкратце раскритиковала или невнятно похвалила четыре страницы моих стихотворений. Плывя в инерции сна, я не успел спросить: кто вы? Где достали телефон? Кажется, она упомянула, что узнала на кафедре. Не перебивал, прислушиваясь к ее пожеланиям и оценкам. Интересно, а вдруг она специалист по русской модернистской поэзии, знаток поэтов «парижской ноты»? В моей голове начали слагаться вопросы, но в трубке пошли гудки, подчеркнувшие тайну общения. Кто же она – анонимная поклонница или настоящий критик? Я подумал о Гале. Если бы она позвонила так же загадочно!

В том, что я привлек к себе чье-то внимание, нет ничего удивительного: по рукам ходит 40–50 экземпляров моего самиздата, это только отдельного сборника, не говоря о других. Невольно бросив взгляд на лежавший передо мной свой текст № 35, я обнаружил ошибку. В слове «веселость» выпали буквы «се», и на странице пропечаталась какая-то «велость». Уж лучше бы «волость». Может, и об этой промашке сообщала незнакомка, и ее критический посыл наконец-то сплелся в констатацию: да, пролетел ты мимо, сочинитель. Раз под власть рифмованных волн вступил – изволь соблюдать законы...

А лекция продолжалась. Битвы на литературном поле между соцреализмом и модернизмом не отзывались в моем мозгу эхом увлеченности. Голос преподавателя звучал тихо и будто из-за стенки. Лекция эмоций не затронула.

В перерывах между лентами (так на Украине именуются пары) я созерцал передвижения студентов, гуляющих коридорами шестого корпуса на четвертом этаже, но в основном терял зрение в читке – растворялся без остатка в поэтических строчках Перси Биши Шелли.

3. После занятий

После занятий спустился на дно снежного стадиона. Скользнул вниз по склону, декорированному мусорными кучками. Пробирался партизанской тропой Ботанического сада к не особенно популярной калитке, выводящей в частный сектор и далее – на трамвайное кольцо. Еду сегодня первым маршрутом.

Занимаю место, смотрю в окно. «Академик Бах», – объявляет механический голос. По прямой линии от академика – улица Телевизионная и ракетно-космический центр. Сзади тает больница в окаймлении каменных заборов.

Севастопольский парк. Еще пилил да пилил до «Детского мира», где десантировался, чтобы забежать в полиграфическую фирму «Пегас».

От «Пегаса» – проторенный путь к бывшему кафе «Самовар». Вперед, к улице Бородина, в гору, оставляя Троицкую церковь за спиной, – тороплюсь запрыгнуть в салон четвёртого трамвая, пока он стоит на сонном старте. Проехать бесплатно – днепропетровский хулиганский жест.

Высаживаюсь на «Косметологической клинике». Рядышком дом Стаса Зимогляда. Взял у него биографию Артюра Рембо. Неделя жизни на изучение. «Один сезон в аду» падает в тяжелую сумку. Как ты волнуешь меня, Рембо, наркоман и близкий друг Поля Верлена, угасший в фазе ранней гениальности!

Опустились сумерки. Я в квартире отца. Любимые баррикады книг и газет, окопы толстых журналов. Антураж традиционно-филологический. Как в подобном интерьере не стать писателем?

Отец пропадал на работе. И кем он только не работал: сопровождающим на товарных поездах, рабочим на кондитерской фабрике, бухгалтером, экскурсоводом! Но по образованию он – преподаватель немецкого языка.

Родился отец в Кузбассе, там остались его корни. И в мои ранние годы он брал меня в путешествия по Сибири. Каждое лето мы поднимались по трапу на самолет и приземлялись в Новосибирске, оттуда катили автобусом в деревню Бачаты, на Щербазавод, а позже к брату отца, моему дяде Александру, – в Прокопьевск. Для меня сибирская природа была родной и милой наравне с украинской.

Одно из воспоминаний – трагедия от упущенного фиолетового кораблика: пластиковая игрушка уплыла по кузбасской речушке, и я впервые почувствовал себя обездоленным во вселенной.

Мои детские годы выпали на цепную реакцию смертей в телике. Он надрывался траурными маршами похоронных процессий. В последний путь провожали генсеков...

Не умея читать, я разглядывал картинки, листал толстенные тома «Мировой истории искусств». В пять лет меня очень заинтриговали обнаженные женщины, я вырвал эти цветные и черно-белые страницы. Скорей всего, мне досталось от папы.

Отец жалел об упущениях в моем воспитании. Дед Иван в поселке Щебзавод был возмущен тем, что я не умею вести себя за столом – разговариваю, не слушаю замечаний. Он хотел отстегать меня ремнем, но папа спас от экзекуции. Так что и тогда я не испытывал страха перед властными авторитетами.

В первом классе я научился читать. В том году, в 1983-м, футболисты «Днепра» взяли золотые медали. И я вывел на заборе: «“Днепр” – чемпион Советского Союза!».

Мама и папа развелись. Мне было восемь лет. Двухкомнатную квартиру разменяли на две однокомнатные: одна – мамина на улице Суворова, а папу забросило в город Краматорск. Два или три года он выменивал квартиры и вернулся в Днепропетровск, в далекий район Левого берега, который смутно помнится мне какой-то беспритульностью. То есть был необжитым. Мы с отцом осваивали Левый берег. Записались в главные библиотеки, пересекали парковые зоны в поисках чудес.

Вспоминаются последние прилеты в Сибирь. Как-то взбирались на горную цепь Бускускана, и я отчаянно, уперто спорил по мелочам. Отец смиренно покачал головой и кротко заметил: «Ты – тяжелый человек. И в кого ты такой? Как ты будешь жить?»

Когда отец работал экскурсоводом в Днепропетровске и окрестных городах, я проездил с ним в автобусе тысячи километров: Днепродзержинск, Никополь, Запо-

рожье, Павлоград, Кривой Рог... Города мелькали загазованными улицами социалистической индустрии, открывая и подноготную культурных, исторических событий, о которых отец с блеском рассказывал туристическим группам из Ленинграда, Киева, Харькова и так далее.

Он одобрил мой круг чтения: журналы «Юный техник», «Техника – молодежи», «Уральский следопыт», «Молодая гвардия», «Знание – сила», «Химия и жизнь», «Наука и жизнь», «Изобретатель и рационализатор», «Ровесник», «Вокруг света»...

Я вел переписку с редакциями газет и журналов. Отправлял письма в «Пионерскую правду», в редакции журналов «Юный техник», «Техника – молодежи». Приходили ответы. С моими рекомендациями считались московские профи. Что я просил? Печатайте больше рассказов и повестей Клиффорда Саймака, Кира Булычёва, Фредерика Пола, Дмитрия Биленкина, Роберта Шекли!.. Редакции слушались и повиновались.

Неудивительно, что в девять лет я был уверен на сто процентов, что стану редактором литературных журналов: не одного, а двух или трех, если не больше. Так оно и вышло.

Папа давал деньги на покупку книг. Десять рублей стоил сборник американской фантастики на семьсот с гаком страниц. И я стал фэном, интоксифицированным фантастикой. В одиннадцать лет познакомился с самиздатом: «Земля во власти волшебства» Фреда Саберхагена – первый роман, который попал мне в руки; а дальше были «Крестоносцы космоса» и «Звездный торговец», «Танцовщица из Атлантиды» Пола Андерсона, «Речной мир» Филиппа Фармера, «Человек в высоком замке», «Мечтают ли андройды об электроовцах?» Филиппа Дика и много-много романов, исполненных на печатной машинке. Каждый день я читал по роману, иногда и по два. Общался со

всеми изготовителями, коллекционерами самиздата. Воодушевленно его распространял, в том числе и в школе. У меня брали читать самопальные издания даже учителя.

Отец радовался моей любви к фантастической литературе. Но сам он был фанатиком хорошей литературы со стажем и с первого класса школы «подсадил» меня на классику. До пятнадцати лет я не прикасался только к поэзии. Разве это жанр? Надо разогнать фантазию на эпопею, а что во вселенной поменяется от пяти или пяти-сот рифмованных строк?

Следующий феномен – это авангард. В каких журналах он был? Да почти во всех! Вы откройте «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», «Дружбу народов» или что-то наподобие их на распутье десятилетий. Приближение к авангарду! А в чистом виде – рижский «Родник», «Место печати», «Комментарии», газета «Гуманитарный фонд», неоднозначный «Митин журнал»... Многие номера этих изданий я читал сразу, как только они выходили.

Отец авангарда не понимал и не принимал, но и не возражал против моего увлечения. Это в характере времени, когда по вине нерешительных нытиков лопнул Советский Союз. На момент крушения СССР мне было четырнадцать лет.

Причем незаконное образование Украины (за которое я не голосовал и мои родители тоже) совпало с моим днем рождения. Миллионы моих сверстников встретили свое пятнадцатилетие в предательски расколотом пространстве.

Отец к тому моменту был одним из лидеров и основателей днепропетровского отделения общества «Мемориал». Но эта организация распалась, и новорожденный «Рух» – националистическое исчадие – отцу был невыносим.

После школы я провалил поступление на факультет русской филологии. Понадеялся на авось и махнул рукой на последний экзамен, посчитав, что не обязательно кор-

петь. Завалил. Для отца это была боль. Он вложил в меня знания и неумиряющее желание жить в мире русского языка. И что же? Катастрофа!

В ту пору я – ни много и ни мало заместитель редактора альманаха «нового украинского андеграунда» (а старый был?) «Артикль», который имел хождение в Москве, Петербурге и других культурных столицах экс-СССР. Торговал книгами на базаре, но не наживался. Цены были божеские. Особенно для своих, а эта ниша стремительно расширялась, вбирая сотни-сотни персон.

С кем знакомился и дружил? В Петербурге – с людьми, близкими к семинару братьев Стругацких. Новый, 1993-й, год встретил на квартире Александра Сидоровича, где познакомился с Андреем – Чертковым и Николаевым, по телефону взял интервью у Вячеслава Рыбакова и Андрея Столярова, очно беседовал с Александрями – Тюриным и Щёголевым, первопроходцами русского киберпанка и русского триллера. В Москве были очень значимые знакомства, но с ноября 1993-го по июнь 2006-го туда не вояжировал.

Отец ободрял меня, и жили мы на последние копейки, то и дело что-то закладывая в ломбард. Торговали книгами. Круг «своих» безвозвратно исчез. Вдруг все они стали абсолютно чужими. Атомизация общества, его расслоение происходили на наших глазах.

В 1996 году я поступил в университет. Не на филологический факультет, а на журналистский. Дела пошли. Отец радовался. Мы с ним приноровились играть в «поэтические площадки». Главным строительным материалом для нас было слово «любовь». Как мы только не экспериментировали: фонарь являлся источником любви, какой-нибудь сарай на краю галактики!

В 1997–1998 годах я начал выпускать свои поэтические сборники: «Огонь и пыль», «Гетто свободы», «Разбитая

истина», «Прах войны», «Страшный блеф», «Голодный рубеж» и десятки других. Отец к моим издательским проектам относился нейтрально, с некоторыми текстами он был категорически не согласен. Увы, на волне своего энтузиазма я к нему не прислушивался.

4. Включаю областное радио

Искры полемической беседы в радиоточке разгораются пламенем интеллектуальной войны. Журналист Валентина Орлова задает вопросы прозаику Александру Хургину. В центре разговора – наш город. Прозаик рассуждает о глупости украинской политики. Отдельно взятый Днепропетровск встроен в нее целиком.

Но тут вмешивается мой внутренний комментарий: а разве наш город сам эти глупости не порождает? Он уклонился от своей исторической роли. Отнюдь теперь не южная имперская столица, он стал культурным позорищем. И можно ли назвать его вершителем военной воли шестой части планеты? Отсюда ракеты до 1991 года с агрессивным прицелом смотрели на затаившихся врагов. Но город от стратегического измерения отказался, производя ныне не ракеты, а пылесосы и кастрюли.

– И чего вы хотите, Александр? – мысленно вторгаюсь я в радиобеседу. А Хургин твердит, что в Днепропетровске торжествует удручающий провинциализм.

– В каком смысле? – опять же мысленно спрашиваю я.

– Киев никогда не был и в ближайшие годы не будет для нас ориентиром, – слышу.

– Согласен. Искусство и культура у нас на порядок выше. Союзный ВПК не только ракетные комплексы производил, но и жилые районы. Появился в городе творческий дух высочайшего полета: здешние достижения еще станут объектом исследований. Фамилии назову навскид-

ку: Аскольд Демерджи, Вольф Бухман. Эти люди подпольной природы, увы, в большинстве своем канули в Лету...

Продолжаю слушать. Хургин говорит, что жизнь в Москве много интересней, и справедливо замечает: там надо бороться, расталкивать локтями соперников. Таких повадок тут не наблюдается. Да и личностей республиканского масштаба не видно. С 1991 по 1998 год царит растерянность. «Провинциализм надо преодолеть».

– Звучит словно «Карфаген должен быть разрушен!». Bravo, тезка! Но в чью пользу ликвидация провинциализма? Нелепое слово, которым фрондируешь. Почему бы тебе не вспомнить поэтов Михаила Светлова, Яна Сатуновского, Дмитрия Кедрина – имена планетарного значения, а ты о них молчок. Типа время передачи поджигает – некогда произносить. В этом – изъян твоей теории. Я бы поговорил о традициях русской культуры, о прямых связях Днепропетровска с Петербургом и Москвой.

Хургин толкует о Киеве, куда рванули переселенцы западных областей Украины – обитатели хуторов, они занимают ключевые позиции в СМИ, в административных структурах, и посему неудивительно падение украинской словесности в яму базарной эстетики, ее стыдно воспринимать.

– Да, так и есть, – поддерживаю тезку я и в то же время спорю. – Суть в том, что киевский политический рынок заполнили дремучие экземпляры – ничтожные в масштабе Содружества Независимых Государств. Они невидимы даже в пределах своего квартала. И что? Не смеши тапочки. В соотношении с оными козявками писатели Днепропетровска провинциальны?

Как бы прямо сказать Хургину всё, что думаю о его интервью? Зайду ли завтра в его газету «Торговый дом», выскажу ли свое мнение? (Нет, не зашел, все мои трепетные мысли заглохли.)

5. Как жить без Гали?

Как жить после ухода Гали? Пространство без любви одичало. Поездка в троллейбусе стала испытанием грусти. Позавчера видел гроздь пассажиров, точно праздничные шарики. Сегодня они – истосковавшиеся по детонации кумулятивные снаряды в тесноте металлических оболочек. Могут лопнуть и породить новую вселенную без воздуха – ослепительным взрывом безучастия к внутренней жизни. Какое им дело, что здесь Галя метрах в двух или трех, а также Алла – рядом стоят и говорят о модном писателе, которого недавно открыли. Ты его читал девять лет назад. Кажется, их разговор предназначен твоим ушам. Остальных не интересует фантастика, граничащая с основным потоком литературы.

В троллейбус вошел на улице Титова, вышел на проспекте Гагарина, где синей линзой вытянулся столб главного корпуса университета – прожигал стеклами приращения смыслов к тем знаниям, которые разлиты в аудитории, на беговых дорожках стадиона, в щебетании птиц и зеленых куполах ботанического оазиса.

Как жить после ухода Гали?

У нас новый преподаватель. Третьему курсу декан факультета систем и средств массовой коммуникации представил Вячеслава Михеева – главного редактора газеты «Теленеделя». Он будет читать предмет «Практическая журналистика». Его подходы к раскрутке изданий самые-самые прогрессивные, успешные. Преподавателю нет и тридцати. В голосе и осанке – властность и вальяжность, барская расслабленность. Он демонстрировал щедрые жесты заинтересованного собеседника, приправленные иронией и простотой.

Я почему-то ассоциировал Михеева с Брежневым: тот еще типаж, чисто южнорусский колорит. Но цели разные.

Леонид Ильич – за социалистический рывок, Вячеслав – ударник труда капиталистического, и газета его – апофеоз обывательского мироощущения: выставка тем для забвения духовных исканий, замены их треском рекламных скандалов и ажиотажных репортажей. Слушал, затаив улыбку. Герой времени на сцене! Заливает о системе ценностей, чью иерархию и перевернул. Оттого правила иные действуют, освоил их – шествует к новым достижениям на ниве коммерческой прессы, добывая отходящий «Торговый дом», заткнув за пояс.

Внимал Михееву. Его субъективизм – прихоть периода и сенсационный цинизм. Такими и представляет отношения людей в обществе новая «элита». Мозг захлебывается серостью. Подобные учителя впредь будут наставлять юных журналистов. Какими станут СМИ Днепропетровска в XX веке?

Как жить после ухода Гали?

Профессор Владимир Буряк остановил в глубине коридора учебного корпуса. Завтра у него переезд из комнатки на Третьем Левобережном в общежитие недалеко от Нового моста, вторая остановка после реки, которую редкая птица пролетит до середины. Необходимо перетащить мебель: грузовик прикатит утром. Отметим дельце творческим общением. Помогут и друзья – философ Саша Варшавский, филолог Юра, с которыми Буряк странствовал в фольклорных экспедициях по селам Днепропетровской области. Почему бы не помочь?

Зашел в офис «Артикля» на пересечении улиц Серова и Комсомольской, напротив – столовая «Спартак». Подвальная галерея с потрясающими ароматами блюд, кажется, кулинарные изыски выпрыгивают с полотен прямиком на поднос. В детстве тут десятки раз обедал с отцом, когда он водил сюда экскурсионные группы. Знатные воспоминания – запахи поднимаются из скважин памяти.

Как жить после ухода Гали?

Трамвай № 1 переместил от Госбанка и Губернаторского особняка до гостиницы «Украина» и отвез к фонтану, а дальше за поворотами ворвался гигантский Градусник, как съедобный гриб на потеху зрения. Особенным холодом от холма потянуло, будто бы резиновая растяжка – минуты тягучие в холостом шипении, бормотании колес.

«Осторожно, снегопад!» Рельсы покрылись белым налетом и чуточку похолодели: как по парафину скользит трамвай, норовя скатиться под холм. Одышка движения, пробуксовка в гибельном следовании, кисельное замедление.

В Доме ученых Ирина Никитина, как год назад и два, в киноклубе «Мысль» показывает «Кордебалет» – фильм о том, как в нью-йоркскую труппу набирают молодых танцоров, изнуряя их конкурсными номерами. Из тысячи конкурсантов остаются единицы. Зачем смотреть повторно? Из мотива сопричастности, желания вновь окунуться во флюиды любви. Видеть картину глазами любимой девушки – чудо и счастье.

Истории танцоров меня сейчас не прельстили. Вызвал скепсис игравший заправилу мюзикла Майкл Дуглас.

Капиталистический дух опротивел настолько, что я поступил абсурдно. Мамоне насолил тем, что приобрел ворох периодики: харьковское «Арт Мисто», «Популярную газету», «Комсомольскую правду» и «Днепр вечерний». Да, раздражил Михеев не на шутку – влил-таки любопытство к прессе. Заразил газетным энтузиазмом так, что руки зачесались настроичить какие-то заметки и предложить хозяевам ходовой бумаги.

Как жить после ухода Гали?

Студентка-второкурсница факультета международных отношений Наталья Акиньшина вызволяла меня из любовной депрессии: рассказывала о девушке Лене – русской

филологине пятого курса. Видел ее в далеких закоулках частного сектора в ашраме кришнаитов, куда случайно завернул во время прогулки по неведомым дотолу улицам Днепропетровска в районе газового хозяйства.

«Лена относится к тебе с вниманием и считает, что ты продолжатель в прозе традиции Владимира Маканина – его последнего романа...» Высокая девушка, рыжая. Вспомнил ее.

Нехватка любви породила парадоксальный интерес. Захватывающим показался второй том хрестоматии «Украинское слово» – оповидання (рассказы) та вирши Тодеса Осмачки, Евгена Плужника, Валерьяна Пидмогильного (некоторые утверждают, что его роман «Город» опередил Жана-Поля Сартра в становлении экзистенциализма), Микола Зеров понравился 50/50. Это всё лютые враги советской власти. Испытал радость от чтения Бажана, Лятуринской, Барки, Телиги – в этом контексте испил отличный оригинальный вар литературы: не знаю – переводились ли вещи на русский язык, в художественной ценности им отказать нельзя. Раз нет у меня любви к прекрасной даме – украинская классика предстает чрезвычайно привлекательной.

В добавочный восторг привела книга Ж. Карре «Жизнь и приключения Артура Рембо» в переводе Бенедикта Лившица – замечательный переводчик.

6. Противопоставление садов

Девяносто восьмой год шел у меня под знаком творчества – если не сочинял что-нибудь, так активно читал прозу и поэзию. Буквы на бумаге заглушали боль распада лучшей на свете страны, уносили в причудливые западные миры.

В главном корпусе ДГУ, чей фасад граничит с Ботаническим садом, на первом, третьем и двенадцатом этажах

вывесил объявление о литературной студии «Гипсовый сад». Черно-белая бумага выделяется на фоне пестрых плакатов, зазывающих на концерты, студенческие собрания, в клубы по изучению иностранных языков.

В дизайне моей афиши философская обреченность: жирный крест делит поверхность листа на четыре части. Каждая часть обозначает тему. Например, «Новая литература января». Подразумеваем обзор толстых литературных журналов.

До начала физкультуры побегал в стеклянной колбе, как неумомимый колобок. В девять утра прикатил в спортивный зал. Были упражнения в беге, в прыганиях через козла, в попытке забраться под потолок по канату...

От спортивного дворца до шестого корпуса – путь близкий через край недостроенных зданий. Серые панельные дома, стальные ангары, обходные дороги и лазейки в заборах. Группа однокурсников плелась к аудитории, в аппендикс факультета систем и средств массовой коммуникации.

На факультете журналистики наблюдалась пропорция: тридцать человек в группе, из них четверо-пятеро ребят, остальные – девушки. Из пяти один или два парня интересовались литературой. Девушек, равнодушных к словесности, найти сложнее.

Саше Гусеву (прозаику, ныне известному в Киеве кинокритику-западнику) принес экземпляр своего малотиражного сборника «Страшный блеф». Самое любопытное в нем – отзыв на книгу «Хакеры». В феврале 1998 года редко еще попадались издания о «звездах компьютерного подполья». Изюминка сборника – устрашающее описание коммунальной квартиры, в которой я жил с отцом до декабря 1997 года.

Тезка пообещал познакомить со своей прозой – заканчивает повесть в жанре черного детектива. Украина как место

действия его не привлекает. Америка и только Америка. Доделает и принесет распечатку. «Хорошо, договорились!»

Вечером поехал на Левый берег, на улицу Осеннюю, к журналисту и поэту Александру Разумному. Он сказал, что появилась компания молодых поэтов, они себя манифестируют в ближайшее время. Мы сидели на кухне и обменивались новостями. Второй том Бориса Слуцкого я ему вернул, взял третий. Вместе с теменью за окнами в квартире накапливалась какая-то тоска.

Редко забредают на улицу Осеннюю маршрутки. Надо на проспект газеты «Правда» выбраться, чтобы успеть домой. То ли на улицу Суворова, то ли на Героев Сталинграда – куда сегодня причалить: к отцу или к матери? Конечно, лучше ближе к университету. Чтобы завтра утром потопать на занятия пешком.

Морозящий дождь сменился мелким снегом с резким ветром. А дай-ка к Гале найду!

Забежал в общежитие. Галя расставила точки над «і». Мы останемся друзьями, и не более. У нее появился некто по фамилии Ермоленко, который учится на социолога или политолога, и с ним она видит свою будущность.

Огорченный, я уже не троллейбусом, а пешим ходом подминал холм: от магазина «Медицинская техника» до свадебного салона «Юность», оставил позади комбинат «Детская игрушка», производственные площади аграрной корпорации, Дом таксистов и остальные достопримечательности проспекта Кирова.

Поднимался кварталами тусклого электрического света, чтобы нырнуть вбок, шел в сторону парка Богдана Хмельницкого. Нет. Оборвал шаг – к отцу сейчас не хочу. Не в настроении. К маме! На улицу Суворова.

Приходили на ум совершенно негуманистические строки. Хулиганские и обидные, оскорбительные для себя самого.

У мамы спасался чтением Александра Блока – как раз просматривал февральские сочинения разных лет: с 1902 года по 1918-й. Что-то в природе февраля есть недоброе и предательское. Буржуазная революция какая-то...

7. Вспять

Иду по своим делам и поворачиваю вспять. Ломаю маршрут из-за окрика однокурсника, которому, хоть в лепешку разбейся, а надо вернуть книгу Дидро. Со дна оврага, в котором простирается стадион, вздымаю очи на пригорок и различаю человечка, орущего пронзительным и срывающимся от ветра голосом – он перекрикивает снежную стену, а мне понадобится не только переступить ее, но еще и не соскользнуть по глине в пропасть.

Осторожно, как канатоходец, выискиваю узенькую тропинку – она же представляется и кардиограммой ситуации, символической синусоидой. К счастью, почти не запачкался – лишь ботинки зачерпнули чернозем и глину. Это до приличного сугроба, который сыграет роль салфетки – освободит от грязи обувь. Сокурсник ведь и предупреждал: здесь очень грязно! Он спустился на десяток шагов, и мы повстречались – книгу он взял.

А я вновь устремился к стадиону, чтобы не опоздать к отъезду. Обещал помочь с погрузкой-разгрузкой вещей профессору.

На краю стадиона – Александр Гусев, сообщает: через час начнется пресс-конференция с женой президента Людмилой Кучмой.

– Ты можешь на ней побывать! Представиться корреспондентом газеты «Я» и задать пару-тройку острейших вопросов.

– Товарищ, не могу! Ангажирован в дорогу. Да и что может рассказать супруга Леонида Даниловича? О прочитан-

ных в январе и феврале художественных произведениях – об этом бы послушал; о подъеме культурного уровня в Днепропетровске на момент 20 февраля 1998 года – тоже интересно. Однако у нее программа показная: благотворительность, передача новейшего оборудования в поликлиники. Журналистов используют как тряпочки: протрут об акции в эфире, скормят в газету – и никаких проблем.

Профессор Буряк ждал у деканата. Вышли во двор, где сгрудились иномарки, в малом числе авто отечественного производства. Грузовик домчал к областной телестудии. Приняли новую смену добровольцев. Ехать разрешают в кабине грузовика, в кузове – нельзя. ГАИ включило дополнительную бдительность. Мало ли что! В городе жена президента – это не шутка.

Владимир Буряк предложил воспользоваться общественным транспортом – проехать трамваем три-четыре остановки к памятнику-танку генерала Пушкина. Дальше троллейбусом продираться до какого-то массива Победы. Там предстоит выгрузка и загрузка пожитков преподавателя. Ребята поздоровей – Акимов и Варшавский – тесно набились в кабину. Кто-то еще ждет и в пункте назначения. Успели ли вынести шкаф, мешки с рукописями, мудреные сокровища теоретика средств массовой коммуникации, исследователя фольклора электричек и студенческой мифологии?

Троллейбуса не видно. Решил топтать к Обелиску Славы, от него вниз и сквозь бетонные расщелины, которые напротив стены Виктора Цоя, где возвышается железнодорожное полотно – гремят сонные или чересчур бодрые составы. Прoberусь лабиринтами каменных лестниц, обсаженных деревьями и кустами, выйду к пузатому ангару института физкультуры – там и дождусь транспортного потока.

Нет пробок в движении близ реки, сюда лучами нацелены маршруты из центра. Но салоны транспорта при-

вычно перегружены. Висеть приходится и на подножке. Давка подобна анестезии: мысли улетучиваются. Людской наркоз пьянит – жизнь перестает страшить.

Дом обнаружил не сразу – плутал дворами. Работа закипела. Книжный шкаф несли с одиннадцатого этажа в кузов грузовика (не вмещался в лифт) и по новому адресу поднимали на восьмой этаж. В лифт заносили канапе, пуфики, многочисленные узелки, рулоны каких-то тканей, разнообразную мелочь. Отдельное внимание – рукописям. Для творческих ребят это баснословный клад.

Филологи Юрий Акимов и Александр Варшавский, журналисты Олег Гаевой и я действовали согласованно, точно муравьи. От улицы Космической до нового места жительства Владимира Дмитриевича Буряка прокатились на такси. Затем – в обратном порядке – распахнули входные двери. Вещи легкие и емкие поднимали лифтом, а громоздкий шкаф волокли по этажам, стараясь не разбить на поворотах.

Отрывками в голове крутились воспоминания о вчерашнем кинофильме «Кордебалет». Девушка не выдержала нервного напряжения из-за того, что не попала в танцевальное шоу, и ее на грандиозной скорости скорая помощь отвозит в больницу – срыв.

Под конец перевозки, когда градом катит пот и рубашки можно выжимать в тазик, появляется Сергей Буряк – приемный сын учителя.

В начале девятого вечера накрыли ужин. Хотелось заполировать переезд. Выпил бутылку пива и лишнее – три стакана водки. Закуска была приличной: вареная и жареная картошка, сыр, хлеб, колбаса и шипучий «спрайт», увеличивающий жажду.

Все, кроме меня, были этническими украинцами. Неудивительно, что речь зашла о ценности национального

самосознания. Как русский человек, я не слушал молча, а говорил, какое волшебное впечатление произвела на меня в детстве Сибирь: Новокузнецк, Прокопьевск, Киселёвск, Бачаты. Оттуда и моя любовь к России. Заметил: после поездок в Кузбасс почему-то менялась архитектура Днепропетровска – поразительная связь! В общую картину единого пространства вливались энергетические токи новостроек. В семь и восемь лет я находил взаимодействия уличных пейзажей вне расстояний: перемещение сил роста, которые к перестройке ослабли – погасли созидательные импульсы. Тема не нашла отклика. Ребята не понимали, как Сибирь – край каторжан – могла влиять на наш город? И для меня это загадка, в этом, безусловно, что-то тайное.

– Сашку больше не наливать! – прокомментировал Владимир Буряк.

Собравшиеся отпускали остроты и шутки. Блистали юмористические эскапады. За их плечами – фольклорные экспедиции, общение со старожилками сёл, которые берегут крупницы традиционного уклада.

В половине десятого вечера покинул восьмой этаж, неровным шагом последовал на другую сторону проезжей части, где остановился один из последних троллейбусов – повезло.

Три остановки – и я в центре Днепропетровска. Странное дело: на пути увидел телевизионщика Владимира Фёдорова – в прошлом году участвовал на 34-м канале в его передаче «Потеха». Был август и дождь. Мои длинные волосы впитали влагу, спутались на голове и создали образ дикобраза: в таком виде я предстал перед телезрителями. Во время съёмки чувствовал, как поднимается пар от сорочки: духота в студии. Дожди в Днепропетровске бывают не только теплые, но и горячие, словно кипятки. Причина тому – множество промышленных производств.

Поздоровался с Фёдоровым и Екатериной Шаповал. Пожелал спокойной ночи.

В пьяном настроении брел по улице Серова, пересекал сквер Ленина и шел вдоль улицы Пушкина, свернул в угловой двор: поднял глаза на третий этаж – горит свет! Вообразил, что такому гостю, как я, в одиннадцать часов, когда сплошная темнота заволокла территорию Украины, Юрий Малиночка обрадуется безмерно. Постоял у двери в раздумье. Не нужно! Совесть не позволила портить отдых творческой семье.

Кое-как доковылял на улицу Героев Сталинграда, не пошел к маме – рухнул дома на диван и плохо спал. Фанатично накинулся на мандарины – пятнадцать сжевал, и всё равно в горле шелестела пустыня с неугасимым требованием: пить, пить и еще раз пить! В монолитной мгле просыпался, как лунатик, автоматически готовил смородиновый напиток в объеме двух или трех литров, жадно вливал в раскаленную глотку и проваливался в забытьё.

8. Мама

Мне всегда не хватало бабушки и дедушки по материнской линии – их не стало еще до моего рождения. Видимо, поэтому мама и не раздумывала – уехала вслед за отцом из Кузбасса в Днепропетровск, на Украину. Никто не останавливал... Тогда ей было восемнадцать.

Она говорила, что надеялась жить-поживать у дяди моего отца – полковника, который обещал помочь отцу с работой, а ей с учебой. Но вышло так, что дядя угорел в бане. Отравился угарным газом. Пришлось маме и папе начинать в Днепропетровске почти с нуля. Папа поселил жену на квартиру к супруге этого дяди, а сам ютился по разным общежитиям, меняя и места работы.

Тетка строго наказала, чтобы мама училась в технике на отлично. Так и было. Пятерки в выпускном документе и лучшие характеристики на работе.

Мамина пробивная энергия помогла им с отцом поселиться в коммуналке на улице Харьковской – в самом центре Днепропетровска.

Туда она приехала в 1967 году, а в 1976-м на свет появился я. Ждали, что будет девочка. Но получился я – богатырь в маму и задумчивый малый в отца.

Эпизод из раннего детства: я купаюсь в гигантской ванне вместе с мамой. Я проникался бесконечностью пространства, в электрическом блеске и вздымающемся плеске мне казалось – нет границы теплой воды. И на этом фоне возвышалась прекрасная богиня – мама.

Мы жили в коммунальной квартире. Соседкой была сумасшедшая женщина, которая иногда врывается в нашу комнату под разными предлогами: соль попросить или чайник... Она успевала побормотать-поколдовать над кроватью, где я дремал, и матери приходилось выгонять ее с боем.

Мама возила гулять меня в коляске через несколько кварталов по Набережной. Мы вторгались в парковую зону Комсомольского острова, прежде посетив парк Шевченко. Фантастические скульптуры животных забавляли взор – олени, кони, лоси, огромные кабаны и львы. Они казались живыми, созданными одухотворенно.

Мост на Комсомольский открывал толщи темных вод Днепра. Детский ужас был без повода и без причин – страх перед жизнью, когда ты еще лишен голоса и слов.

Особо завладевал вниманием телевизор. Он был не свой, а соседский. Планету накрывала истерия возможной ядерной войны. Иногда заставки на экране врезались в глаза и пугали до глубины души. Железная клешня робота раздавливает Землю, как спелое яблоко, и в черноту космоса разлетаются магматические прожилки.

Но в год Олимпиады, когда мне исполнилось четыре, мама, папа и я переехали с улицы Харьковской на улицу Днепропетровскую. В отдельную двухкомнатную квартиру на третьем этаже. Дом примыкал к троллейбусному депо. Рогатые металлические монстры на колесах – добрые и приветливые создания – просыпались и засыпали рядом. Стоило перемахнуть за забор, и ты с ними – можешь спрятаться в салоне.

Мама поступила в Донецкий институт и периодически вояжировала в сердцевину Донбасса. Однажды я ее не узнал. Кто в комнате? Ослепительная блондинка утверждала, что она – моя мама. Но как ей поверить? Похожая фигурка: силуэт, руки, ноги, движения, поворот головы... Мне пять. Засомневался: ты не моя мама! Мама рассмеялась и обняла. Объяснила, что покрасила волосы. В это было трудно поверить. Сложно осознать.

Мама и папа не ограничивали мое детство. Гулять я мог, сколько хотел. Расстояния были покорны свободе – я исследовал научные лаборатории, там с ребятами зачерпывал пробирки, какой-то экспериментальный инструментарий. Из пробирок мы делали плевательницы или просто разбивали их на рельсах. Какие-то составы регулярно сновали в окрестностях, где размещались и промышленные объекты. Антураж, как в «Сталкере» – детвора в поиске философских идей.

В школу я пошел через год после смерти днепропетровского и союзного властителя Леонида Ильича Брежнева. В СШ № 89 – сталинский размах: высоченное здание, патриархальные ступени, грандиозные классные помещения, отдающие мифологией академизма с ее загадочными ретортами, околдовывающими механизмами фундаментальной науки.

Я влюбился в учебники, коллекционировал их. Матери нравилась моя тяга к знаниям.

В 1985 году к власти пришел Горбачев. Отец, как всегда, слушал «Немецкую волну» или «Би-би-си», а мама нашла себе бойфренда – заместителя директора шинного завода.

Мама с папой разошлись. Мы с мамой переселились на улицу Суворова, и я перевелся в школу № 120. Это была школа не интеллигентского, а пролетарского профиля. Многие мои интеллектуальные иллюзии разбились вдребезги. Окунулся в упрощенный мир отношений в среде ровесников.

Из интеллектуального рая инженерных кадров я попал в чистилище вульгарных обывателей. Подружился с сыном партийного секретаря города, доставал у него редкие книги: «О скитаниях вечных и о Земле» Рэя Брэдбери, «Звездные дневники Иона Тихого» Станислава Лема, все номенклатурные беллетристические богатства были мои, имел их по благу.

Мама работала инспектором по качеству питания, и мы с ней посещали дворцы культуры, театры, концертные залы, филармонию – дегустировали лучшее из меню и насыщались духовно.

Мама предпочитала историческую литературу и документальную. Закат перестройки обрушился тоннами антисталинских публикаций.

Мне казалось, что мама особо не беспокоится о СССР. Да и кто волновался? Большинство проголосовало за сохранение. А я голосовать не мог – не позволял возраст.

Август 19-й, год на дворе 1991-й. Я узнал о ГКЧП, когда шел цыганскими кварталами. Мама, как и все, взволновалась. Какую сторону поддержит Днепропетровск?

С тринадцати лет я жил на две квартиры. Когда хочется прохлады и какой-нибудь запеканки, а то и киселя, – остаюсь у матери. Если довольствуюсь картофельным пюре или чипсами да переизбытком чтения – у отца торможу.

Но иногда терялся в лабиринтах тусовки. Поднимал на уши родителей, а они – милицию, чтобы меня разыскать.

Тусовка курсировала от кафе «Карабах» до «Самовара», от кафе «Снежинка» до «Пингвина», от Дворца пионеров, где обитал рок-клуб, до каких-то невнятных флэтов на массиве Фрунзенском.

Я активно читал фантастический самиздат и так же активно впитывал соки подпольной культуры, которая изобиловала своим самиздатом: «Рок-лабораторией», допустим.

Кроме того, стоял я и у истоков альманаха «Артикль», выходявшего под вывеской «Новый украинский андеграунд».

Мама тусовку не понимала и не принимала. Чего хотят неформалы? Расширения сознания?

Помню, как пришел в «Самовар» с перепечаткой Филипа Дика «Солнечная лотерея», еще при Союзе. Какой-то смешливый верзила осудил: «Ты чё, умником прикидываешься?» Идиотское подозрение.

Мама категорически не хотела, чтобы я исследовал авангард, вникал в полистилистику или в метареализм. В ноябре 1993-го я был в Москве и названивал Дмитрию Пригову, Нине Искренко и другим авангардистам. Были телефоны. «Не связывайся с ними!» Ее не слушал. Пылко популяризировал экспериментальную поэзию.

9. Поэтическая культура

На улице Юрия Савченко зашел в гости к Юрию Малиночке – основателю и бессменному редактору малотиражного альманаха «Артикль», который пять лет назад, в 1993 году, стал выходить с подзаголовком «Новый украинский андеграунд». Хотя если подумать – а был ли старый украинский андеграунд?

Уж где-где, а в Днепропетровске украинское буржуазное националистическое подполье преследовалось неслабо: кого-то за решетку отправляли, кто-то уезжал подальше из режимного города. В столице космических ракет строго наблюдали за творческими процессами.

Подполье стало поднимать голову в 1988–89 годах, когда на проспекте Карла Маркса на стендах прессы появился «Форум» с проклятиями в адрес московской власти. В 89-м толпа взбудораженных руховцев пронесла желто-голубой флаг мимо театра имени Тараса Шевченко. Кому-то это было нужно.

На книжном базаре появились рэкетеры. Будущего директора издательства «Даймон» Игоря Тертышного парни в кожаных куртках отвели за сухой фонтан, и он померился с ними «крышами» (примирился, точнее): «Да, я вижу, вы – серьезные ребята...» Предложил им какую-то работу.

«Артикль» напирал на термин «украинский», но я в это издание вносил русский контекст. И когда после публикации в «Артикле» на всю страницу в 30–40 повторениях срамного словечка из трех букв сделалось невмоготу – ушел из проекта, но мое место пустовало недолго. Заместителем редактора стала Юлия Гринберг, и теперь Юра Малиночка сообща с ней выпускает очередные номера. Я по старой дружбе захожу пообщаться.

Возвратил Юре кассету группы «Выход» и киевский журнал «Ковчег». Песни не впечатлили совсем – пустота. О «Ковчеге» тоже сказать нечего. Поэтическая культура в Киеве сильно уступает Москве и Питеру.

Оставил Малиночке свой «Фетиш судьбы». Взял почитать «Стихотворения» Поплавского – лучик надежды в удушливом мореке.

Русский поэт Борис Поплавский в Париже чувствовал себя точно так же, как и мы, днепропетровские – самые

преданные ревнители советского строя – в плену чужой культуры, но ему она шла на пользу. Поэт, впрыснутый в стихию французской вселенной, отвечал всё же родной идентификации: так же и русские граждане на Украине оказались в сумеречной зоне между традиционной ма-лороссийской реальностью и галицийской.

Корневым ощущением являлась принадлежность к советскому и русскому. Ситуация у русских была сложнее, чем у Поплавского. С уходом границ Советского Союза русские авторы на Украине получили экстремальный опыт игнорирования со стороны официальной культуры, то есть свидомых («сознательных» украинцев), управителей, толкнувших их в пропасть второго и третьего ряда литературной иерархии. Кто в первом ряду? Можно перечислить десятки журналов, издательств от «Витчизны», «Сучасности», «Свитовида», «Киева» до «Монастырского острова», пестующих западную волну писателей, поедующих год за годом пространство русской словесности.

Русские на Украине наивно полагали, что собственную идентичность надо продолжать в стране, ставшей абсолютно чужой. До поры весьма забавно было видеть цирк украинских националистов, их феерический карнавал. Это веселит ровно до той грани, пока тебе не крикнут: «Москаль, собирай пожитки! Чемодан – вокзал – Россия». Но ты не внимаешь оклику, все-таки остаешься здесь до последнего – идеалист, рожденный в СССР.

Может, потому я и назвал свой сборник «Фетиш судьбы», имея в виду поэму Блока «Крест судьбы» и то, что жизнь могла бы развернуться иначе. Может, в этом выплеске отчаяния, в репортажах, рифмованных простынях, в дневниковых откровениях и коротких стишатах детонирует послание – за творческий федерализм! Если русским на Украине не дают пространства – они его создадут сами, только бы не лезли со своими указаниями

последователи Мазепы. Первой в сборнике стояла мини-поэма «Солнце Бедных Утех», прозрачно намекая на СБУ.

Вечер я провел в театре поэзии «Весна». Видел днепропетровских сочинителей – Александра Покровского и Татьяну Заславскую, Сергея Бурлакова, участвующего в выборной гонке от партии «зеленых» (он метил в народные депутаты Украины) и Татьяну Лобанову. Покровский – строитель, чуть не вместе с Ельциным работал. Заславская – редактор детской газеты «Я». Бурлаков – руководитель отделения СП СССР в Днепропетровской области. Лобанова – библиотекарь в медицинском институте.

Как ведет себя литератор в двадцать один год? Раздает свои брошюры направо и налево. Сборники «Гениальный грех» и «Гаити» в разных сочетаниях (кому один, кому оба) вручил названным выше и каким-то еще двум незнакомым женщинам – те показались больно заинтересованными в неофициальной поэзии.

Неизвестный мужчина сунул в руки несколько листов с текстом о философском учении Бентама, это 40-е годы XIX века, отстой о понятии долга. Что ж, принимаю к сведению. Точно так же, как я к Бентаму, если не более скептически, могут отнестись и к моим бумагам литераторы и барышни, взявшие всякие «Гаити». Подобно мультипликационному попугаю они могут заладить: «Гаити... Таити... нас и тут неплохо кормят!»

Кого еще видел в сутолоке дня? Павла Чиненкова. Два года назад участвовал в его самиздатовском «Металл-прорыве», напечатал в весеннем номере какой-то стишок о гении и канализации. Звучит примерно так: «Всякий гений цивилизации ходит по лабиринту вселенной, как по канализации...» Не было в 1996 году оптимистических ноток. Увы, нет их и в 1998-м.

Сегодня не пошел на музыкальную биржу. После кассеты ленинградской группы «Выход» ничего слушать не хотелось.

Терзал чистые листы множеством букв. Купил десять тетрадок в клетку – ни дня без страницы, перефразируя Юрия Олешу.

Мой отец, Анатолий Иванович Мухарев, извлек из почтового ящика журнальный улов: сегодня к нам пришли молодежный «Ровесник» и публицистический «Огонек». Вечер перестал быть скучным.

Я попытался увидеться с Галей. Выяснил, она еще не вернулась из Кривого Рога. В общезитии напоролся на злую вахтершу, которая грубо и нетерпеливо поторопила меня выйти в стужу и метель февральских сумерек.

10. Магазин «Пегас»

Открыл сборник «А друзья остаются» Михаила Селезнёва – стихотворения фронтовика, опального в советские годы поэта: он вступил в схватку с безжалостным чудовищем – бюрократической системой на предприятии. Намеревался улучшить быт и трудовой ритм в работе, а столкнулся со стеной административного неприятия: потому и не печатали, замалчивали, делали невидимым на фоне днепропетровской плеяды комсомольских поэтов – Игоря Пуппо, Сергея Бурлакова и других.

Интерес к личности Селезнёва сфокусировала перестроечная волна. Он оказался в поле зрения читающих стихи. Ничего крамольного и бунтарского в них не было – запрет наложили по партийному недоразумению. Перед глазами – традиционная советская лирика, производственная жизнь без прикрас и какой-либо лжи. Кое-где сквозит несогласие с руководящим аппаратом, полемика с номенклатурной машиной. Кого ныне этим удивишь?

Жаль, в брежневские времена остро не хватало общественной дискуссии.

Почитал и кинулся в уличный водоворот. Одно из обязательных мест воскресных посещений – городская библиотека. Сдал томик «А друзья остаются». Непрожеванные куски стихотворений затрудняли дыхание. Так бывает с обедом – ешь торопливо, не запиваешь, и горло под угрозой завала продуктами питания: кашляешь от гнева, кто-то с размаху бьет по спине, краснеешь, потому что пронзает боль и выдуманный страх. Жадность – ужас. От жадности сам не свой. Не надо быть прожорливым и всеядным! Давишься от собственной жабы – мученический читатель. Еще две книги отправил в библиотеку.

Вышел на улицу Московскую, а затем на проспект Карла Маркса. Встречаю супружескую пару Орлянских: Олега – университетского преподавателя физики, и Светлану – учителя астрономии в средней школе № 120. Светлана учила мой класс понимать язык планет и звезд. Олег привел меня, четырнадцатилетнего, в клуб любителей фантастики при Союзе писателей, которым рулил Александр Кочетков – будущий секретарь Леонида Кучмы. Олег и Светлана – творческая интеллигенция. У них резонный вопрос в духе рыночного перелома, повергшего многих на самое дно бытия:

– Сейчас все газеты продажные. Куда ты, далекий от политической конъюнктуры авангардист, пойдешь работать?

Сформулировали неточно. Не называю себя авангардистом. Определяю другим словом – сопротивленец. Арсенал творческих стилей сопротивления разный – авангардный или классический, традиционный или экспериментальный... Зависит от конкретного периода. Бороться можно и нужно всегда – человеческий организм не должен гнить. С какими газетами сотрудничать – покажет время. Надо подчеркнуть первое в моем направлении – антикапитализм, дальше по ситуации. Второе – русский язык, пространство идентификации, ощущение

корней не должно исчезать, сужаться или падать в мимирию; наоборот должно развиваться, расширяться, порождать широкий охват мыслительного влияния.

Да, признаться, своим вопросом Орлянский застал меня врасплох. Подстраиваться под гнилой и убийственный капитализм я не намерен, а механизмы борьбы с ним выстраиваются только сейчас, на исходе тысячелетия, на территории СССР – осмысленного фронта, к сожалению, еще не видно.

Читальный зал городской библиотеки. Вчитался в исследование о незавидной жизни Велимира Хлебникова в начале 1920 года. Друзья вытащили его из психиатрической лечебницы и поселили в дом, из окон которого поэт наблюдал безжалостные сцены гражданского усмирения: из них выкристаллизовалась поэма «Председатель чеки». У Велимира диагностировали биполярное расстройство. Порой он безоговорочно одобрял действия красной власти, а то, по словам автора исследования, испытывал издевательские – аллергические – реакции на происходящее, захлебывался ими перед смертью.

11. В троллейбусе

И не подумаешь, что дата особая – 23 февраля. О Дне защитника Отечества не скажет ни плакат на стене, ни мятый листок – советские праздники затираются, и только инерция в народе продлевает им жизнь.

Утром в главном корпусе, стоящем на входе в парк, я по привычке развесил объявления о «Гипсовом саде». Не слишком ли поздно? Послезавтра увидим, как афиша подействует. Интерес к современным писателям не просматривается в лицах студентов. Читают они по программе: шаг вправо или влево от нее представляется лишним.

Система высшего образования дистанцировалась и от народа: кто ее выпускники? Она в стадии перехода на европейские стандарты, которые опять-таки не перекликаются с традициями советскими.

Неудивительно, что и литературная студия на переломе учебных дел видится пережитком: на Западе университеты поддерживают поэтов, на Украине, в Днепрпетровске им ноль внимания.

Переименовали Днепрпетровский государственный университет (ДГУ) в ДНУ (национальный университет), вот и пошли ко ДНУ, оказались на самом дне, эстетическом и этическом. Подзаголовок изменили, от прежнего названия – «300 лет воссоединения Украины с Россией» – отказались, а в противовес историческому имени поставили литературное имя Олеса Гончара. Тут писатель Гончар играет роль динамита – взрывает системный мир высокоорганизованного места, пуская его под откос в логику распада и разрыва связей.

Общался с Натальей Акинъшиной. Она похвалилась, что успешно справилась с поручением декана Владимира Демченко.

– Какое у тебя было поручение?

Промолчала. Вот интересно: а я бы с ним справился? Было бы здорово по заданию Демченко оживить – вдохнуть энергию в проект студенческой газеты факультета систем и средств массовой коммуникации, она последние годы в спячке. На заре девяностых ее редактировал Павел Динец, затем по эстафете она передавалась младшим курсам, кто-то не успел ее схватить. Мог бы взяться за «Студкейс», но, боюсь, вмешается политика – установка на поддержку европейского вектора Украины. Не хочется свиристеть в русофобскую дудку и лить воду на мельницу врагов. Почему другие не берутся? Причина проста – студентов накрыла волна лени, равнодушия и наплевизма.

Сдал книгу Шамиссо в университетскую библиотеку, и почему-то испортилось настроение. Жаль было с книгой прощаться? Пошел на ленту о мове. Воспринимал украинский язык с агрессией: какие только не озвучивались вредные мысли о злых коммунистах и голодоморе – сколько можно травить пропагандистскую ересь? Берется одна из книг, изданных на деньги канадской диаспоры, насаждается в сознание будущих журналистов. Ложные зерна прорастают антисоветскими сюжетами ТВ, газетными и журнальными поливами, радиотеррором – этого всего не хочется видеть и слышать за версту.

Занятия прошли. Меня заждались городские дороги в сторону Левого берега. В индустриальной библиотеке я оставил давние «Огоньки», а оттуда сократил пару кварталов к улице Осенней. Зашел в квартиру Разумного. Обсудили «Стихотворения и поэмы» Андрея Поспелова.

Александр Разумный протянул мне газеты «Теленеделя» и «Парк юмора». Дома просмотрел – макулатура и дрянь. Уж лучше бы сразу отдать на растопку в село, чем различать буквы – ни малейшего смыслового узора от чтения и близко не возникло: сумбур, а не музыка. Тираж приличный – люди покупают за неимением лучшего. Заглаживают мозговые извилины в потоке развлечений.

Разумный говорил вполне разумные вещи, как-никак – заочный выпускник Московского литературного института. Он располагал редкими сведениями. К примеру, позвал в литературный салон Людмилы Селищевой на следующий день.

День заканчивался. И вспомнился утренний троллейбус, в котором я встретил знакомого журналиста Тимура Шаврова, еще трезвого. В вечернем троллейбусе – пьяная молодежь и наравне с ней – персонаж по прозвищу Гоголь. Он неутомимый путешественник, популяризатор рок-музыки. Проехался по Советскому Союзу с ветерком

любопытных знакомств, дружил с роковыми музыкантами, закупал по бросовым ценам товар для ценителей жанра и до поры до времени не отставал от понимания мировых процессов. Только сейчас у него красный нос, язык вяло шевелится под влиянием алкоголя.

Пять лет назад редактор альманаха «нового украинского андеграунда» заказал мне сделать интервью с Гоголем, но тот не пришел на условленное место. Его напрасно ждала бутылка...

Видимо, в 1993 году его мнение интересовало окололитературную публику. В 1998-м оно не влияет на творческую погоду: миновал звездный час. Но как тип это ценный кадр, достойный главы в книге о неформальных течениях молодежи в Днепропетровске 80-х и 90-х годов, сопоставимый с Татьяной Мазуркевич или Димой Десятериком.

Исторический Гоголь – человек, и поговорил бы с ним в троллейбусе, но не оказалось под рукой диктофона и свободного времени.

В ночной сон уходил под беседу с модельером Андреем Бартеневым по ТВ, он нес чепуху о российском флаге, и ни в какие ворота его авангардные прогоны не лезли.

12. Мама и милиция

Ирина Михайловна Никитина читала лекцию по зарубежной литературе XX века, которая девяносто лет назад взрывалась на интеллектуальных полях Европы хищными сенсациями, отдаваясь ответными книгами, журналами, поэтическими направлениями в России.

Почему-то я отстраненно внимал словам преподавателя. Носом клевал буквы, точней, шариковой ручкой в печатном виде печально выводил их в клетчатой тетради, снабжая реальность бытия художественным содержанием.

ем. Именно сырьем, сырой нефтью, которую спустя лет пятнадцать или двадцать надо будет обработать в могучее топливо для движения в бессмертие и вечность. Если всё пойдет по идеальному сценарию.

Фантастическим громом рухнул в аудиторию душе-раздирающий звонок – лента закончилась, и студенты высыпали в коридор. Как пестрые колеса, унеслись по этажам или, как фантики, осели в углах что-то пересуживать, бить козырями авторитетные доводы старших.

Меня на ходу остановил Владимир Буряк, он будто очнулся – выполз из-под завала подсознательных рифм и образов, проделывающих свою работу помимо воли в режиме автоматизма.

– Сашко, я тоби прынис деяки номеры часописа «Артикль».

И что тут молвить? Учтливое «дякую», взять экземпляры, понять – это мой билет в салон Людмилы Селищевой.

Начитавшись Марселя Пруста, я предполагал, что поэтический салон – толпа аристократов, которые говорят и о предметных вещах. Имеют возможность в печать двинуть кое-какие сочинения. Буряк открыл мне дверь в это сообщество, но реальность ничего и близкого не имела с парижским эстетизмом. Салон – это просто фигура речи.

Я кивнул Буряку в знак благодарности и по цепи ассоциаций вспомнил о своем долге, почему бы и его не вернуть? Достаю из пакета увесистый второй том «Украинского слова», ловлю Антона Панкевича, пребывающего в дремотном спокойствии.

– Спасибо за хрестоматию. Жаль, что с ее страниц брызжет ядовитая слюна русофобии. Но раз такие отравленные звезды зажигают на Украине, это кому-нибудь нужно: предателям, ультранационалистам, западным агентам, но не мне и не лучшим друзьям, которые, загля-

нув в оглавление, раскусили бы на раз, кто все эти Олены Телиги, Стефаники. Узорно пишут, но вредно читать.

А писать очень даже хотелось: водопадом недавних впечатлений топить бумажные листы. Много-много предложений, абзацев, импульсивных периодов изливал в тетрадку, и что в итоге? Стержень исписался. Попросил Александра Гусева стерженек одолжить, а он целую ручку сунул да забыл после занятий забрать: инструмент профессиональный нырнул в изгиб брошюры желтой...

Лилия Темченко – заместитель декана – объявила мне и нескольким однокурсникам о необходимости поставить прививку от дифтерии. В 1996 году я открыл дверь квартиры официальным людям, и мне сделали укол, выбора не было. В ультимативной форме приказали подставить плечо под шприц. На краткий миг погасло соображение, мир накрыли зеленые сумерки, по руке табуном пробежались голодные муравьи, срывая кожу одичавшей лавиной. Вакцина украинского производства в крови подобна смерти. Ах, зачем запретили доставку и распространение братских российских лекарств?

Дабы отвлечься от проблем и ритмов современности – сосредоточился в чтении. Наконец-то и Перси Биши Шелли – лирика его последних лет и поэма «Королева Маб» показались чудесными. Видимо, на контрасте с томом «украинского слова» (чуть «сала» не сказал). Хотя, может, и мотивы народного самосознания транспортировались по мостам бродячих сюжетов. Наверное, противоречий все-таки не было: английская ли поэзия или украинская. Качество не подкачало. Вроде бы.

С осени прошлого года я познакомился с молодыми поэтами, которым нет и восемнадцати: Сергеем Теслей и Сергеем Быковым. Встретился с ними на музыкальной бирже. Их заинтересовали выпуски моего «Вольного Листа».

Они звонят по телефону и делятся сказочными планами, образец им – двадцатые годы советского времени, когда множество течений кроили карту поэтического пространства русского языка. Тесля тяготеет к экспериментам в области постмодерна, когда может пострадать не только он сам, но и сопредельные люди. Быков настроен на волну песен «Гражданской обороны» и футуризма, более равновесен. Эти ребята в самом начале пути. Но захотят ли стать поэтами? Изберут иные реализации: музыку, видеосъемку, театральную режиссуру, актерство – да мало ли чего. Боюсь, что системно помочь им не смогу. Ещё и сам не знаю, куда поведут меня дневниковые тропки.

Еще до прихода в университет рано утром гостил у Стаса Зимогляда (поэт, неформал и тусовщик) – с этого и следовало бы описывать день. Мы ударились в ностальгию: какие наши годы! Вспомнили, как помянули Виктора Цоя в центре Днепропетровска во дворике неподалеку от известного в СССР кафе «Карабах». Взобрались на опасную крышу, нависшую над беседками детского сада. В наших руках были бутылки: несколько винных и одна «мицного казацкого напия».

Разумеется, выпивали увлеченно в пропорции экстремальной: так, словно в горле булькали не высокие градусы, а плескалась обычная вода из-под крана. Набрались до дальше некуда. Окружали нас девушки, побуждали на подвиги.

Одну из них я усадил на колени и неловко повернул голову, из несдержанного рта что-то оборвалось вниз. Ужаснулся до такой степени, что и гибель не казалась чрезмерной.

Кошмар длился долго – шатаюсь, мы переместились в кафе «Пингвин». Там уже сил не осталось. Упал я под витриной как подстреленный. Стас шевелился где-то рядом. Нас задержала милиция – отвезла в участок. Мне

пятнадцать лет, ему – восемнадцать. Он умудрился выйти на своих двоих. Меня парализовало, и как только больно ни колотили милиционеры, сознание витало над телом, от жестких тычков чувства не возвращались.

За мной приехала мама. Под нос ворвался спазматический эффект нашатыря, какие-то проблески затеплились в мозгу. Она заплатила большой штраф и увезла меня домой. Три, а может, четыре дня провалялся я в постели, блуждая по мирам беспредельного мрака и оглупления. Мама и милиция спасли мою жизнь.

Почему я появился у Зимогляда? Его брат Игорь работает на радио. Нужно было показать наметки передачи к 8 Марта. В ранний час его не застал, а вечером увидел картину: Игорь вспыхнул творческим активизмом. Уселся на полу в комнате – устелил под ногами листки со стихами, прозой, какими-то интервью и подобно крабу ползал, смыкая клешни над сокровищами, пятился из угла в угол.

Он даже и в таком приступе сочинительской инвентаризации что-то придумывал – шевелил губами, шепелявил странные слова. Да и диван он тоже накрыл снегом своих радиоактивных рукописей: от них шли действительные излучения, меняющие облик интерьерера. Ощущал, что человек в расстройстве – систематизация включала в нем непредвиденные механизмы действий. Он горячо говорил, прошивая воздух исповедальными интонациями.

Лет шесть назад я потерял стихи Игоря – оттого чувствовал безмерную вину, они канули в неизвестность. Может, этой утратой я лишил автора почвы под ногами? Его голос иногда скандировал, порой по-таежному рычал... Контурсы радиопередачи с ним обсуждать бесполезно. Вернул Игорю и Стасу Зимоглядам книгу о скитаниях Артюра Рембо, прихватил поэзию Бенедиктова и Фернандо Пессоа да пошел к отцу ночевать. Пройти

всего десятка два домов по улице Героев Сталинграда. Нет, опять изменил решение – отправляюсь к матери.

На часах 22:00. Совсем не детское время. Позвонил Малиночке:

– Извини, ты знаешь, завтра я не появлюсь на представлении «Стихотворений и поэм» Поспелова, но хотелось бы уточнить, где располагается Дом архитекторов? К стыду – запамятовал. На улице Артёма или на улице Карла Либкнехта: чуть ниже бара «Нектар»?

Юра подсказал. Посоветую знакомым посетить презентацию.

13. Литературный фон

Три дня осталось до весны. Природа подверглась нападению луж: повсюду тает снег, под ногами трещит пленка льда и растекается месиво грязи, кидаясь на сапоги, ботинки, туфли, брюки, низко болтающиеся пакеты, сумки, зонты или трости.

Город выдыхает зиму и вдыхает активность студенческих проектов, но не факт, что молодые конъюнктурщики несут жизнь в окружающую вселенную улиц, площадей, не презентабельных кварталов, брошенных заводов. А вдруг это всего лишь имитация чуждых, губительных прихотей?

Владислав Сергеев пригласил меня в литературно-художественную газету «Литавры», чтобы диагностировать состояние Днепропетровска по части его культурной самобытности – окончательно ли покинуло здоровье организм города, остались ли очаги духовного иммунитета к веяниям, которые восхваляют западный образ успешности, когда на друзей смотришь как на конкурентов.

Неужели молодежи не осталось ничего, кроме американских и европейских суррогатов здесь, в центре Укра-

ины? Похоже, стоящие за «Литаврами» не противятся такой участи: намерены бить в барабаны украинского национализма, прикрываясь эфемерным европейским курсом, а социальные материалы – левая публицистика и поэзия – им нужны для отвода глаз, для разнообразия меню, чтобы кишки не слипались от неудобоваримой и тошнотворной бандеровщины.

Осваивают гранты – зазывают уже письменников из Ивано-Франковска, начинают подбирать кадры для грядущих акций на ниве публичных выступлений в омертвевшем пространстве днепропетровской словесности. Что можно предложить в качестве противоядия? Только наивные листочки стихотворений: «Звезда футуристического взрыва» с посвящением Елене Борщевской, комплекты «Голодный рубеж» и «Гетто свободы» – рифмованные видения картины будущих войн в местности близкой, которые во многом созвучны песням «Гражданской обороны». Теперь этих сборников не отыскать, ни «Праха войны», ни «Реанимобиля». Разве что на улице Воронцова, на Левом берегу, в берлоге Артемия Зайца – он говорил, что коллекционирует мой самиздат, и при необходимости вызывался вернуть артефакты.

Что еще дал почитать Славе Сергееву? (Он студенческий активист, функционер при новой украинской власти, конъюнктурщик.)

«Гаити». Оттуда могу процитировать:

Поэты конца девяностых –
Цивилизованный свет.
Ценители тонкостей острых,
Создатели вечных планет...

Иначе оцениваю сейчас. Критично. Каждая строчка – не-

правда, выпренно-фальшивая. О каком «цивилизованном свете» речь? Советский Союз – суперцивилизация, его развалили предатели-комсомольцы, обустроившиеся в научно-творческих центрах по уничтожению сверхдержавы, и партийные боссы, давшие отмашку на разграбление. Сверхгосударство создавало и могло еще немало сотворить «вечных планет», подобных шедевру (оцените сложность производственной кооперации!) – многогранному космическому кораблю «Буран». Было проиграно всё. Ценителями тонкостей острых.

И «Вольный Лист» № 4 Сергею вручил – пусть изучает и ясно поймет, что наши дорожки – параллельные прямые и никогда не сойдутся в общих интересах. Перерожденцы – люди советского мировоззрения, пошедшие в услужение к украинским националистам – жалкие ничтожества, но раз готовы печатать – даю, что не чересчур провокационно, и кое-какие строфы Сергею понравились. Например, вот эти отрывки:

Безработный – участник бунта.
Нечеткий шаг, нос красен.
Он и его затосковавшая хунта
В романе описаны, который опасен.
Дождь хищно грозы плевал
В обветшалое лицо досуга.
Проехались...
Рухнул в дыру самосвал –
Похоронили в дороге друга.

Он сказал: «Да, это песня!» Только кто её споёт? Подобных вещей много – тетрадные клочья изнемогают от нашествия букв.

Пообещал Славе через неделю сколотить подборку стихотворений в «Литавры». Он сказал, что ему нужны

анархические произведения. Да, и такие найдутся. Раз уж в Днепропетровске русская имперская идея уступает, на сцену притаскивается анархизм. И как поборемся с этим? Переворот близок. Голыми руками против металлического натиска? Местный анархизм влиятелен, его истоки в двадцатых годах, когда долгое время в Екатеринославе хозяйничал Нестор Махно, – влияние батьки возрождается в поколении не признающих как дух капитализма, так и советскую традицию.

Появился третий путь, который на руку националистам, потому что раскалывает русское сопротивление.

Распрощался с куратором проекта «Литавры» и переместился в офис Малиночки на улицу Комсомольскую, а Юра всё никак не сконцентрируется – не выдаст новый «Артикль». Оставил для Ани Федотовой десять гривен, она заканчивает набор моей брошюры «Фетиш судьбы». Возможно, в первой половине марта отпечатают на ризографе штук пятьдесят – это будет мой самый большой сборник, страниц на сорок. В него войдут мини-поэмы, репортажи, манифесты, кратчайшие стишки, дневниковые записи, микроскопические эссе и другие творения, написанные в декабре 1996 года. Посмотрю, как отреагирует литературное сообщество Днепропетровска (обратите внимание: какая аббревиатура – ЛСД...) на это издание. Как-то повлияет оно на здешний контекст или камнем упадет в реку без минимальных кругов-колебаний на поверхности равнодушной воды?

Маленький секрет – брошюра и гордость, в ней заряд внутренней силы, ощущение того, что жизнь все-таки недаром движется по выбоинам украинского регресса, и его можно повернуть вспять, сделать вокруг себя литературный фон – горизонт для полета в будущее, бегущее вразрез планам захватчиков из-за океана, которым вольготно в постсоветском хаосе.

Забрал у Малиночки молодежный журнал за январь-1998. Хорошо, что московская подписка в городской библиотечной системе пока не сокращается – до столицы нашей Родины расстояние смешное: ночь в плацкарте – и ты ступаешь по Красной площади под наблюдением Кремля как нормальный человек.

Путь мой отмечен проспектом Кирова. На остановке, устремленной вниз, вижу Мирослава Байдака (неформал, панк, сидел в тюрьме, алкоголик). Не подарить ли ему «Гаити»? Поэзию для анархической субкультуры. Не уймется зуд щедрого распространения. От него никуда не деться – сейчас не могу избавиться, хочу подобно мономану удивить знакомых и друзей своими сочинениями. Мирослав говорит, что гостил у товарища в Павлограде. Успел надышаться химическим привкусом еще не распиленных боеголовок межконтинентальных баллистических ракет – их умопомрачительным топливом? Он назвал прозвище того, кто его приютил, но из-за шума резво рванувших автомобилей я услышал «Хвор». К Хвору ездил. Главное, чтобы ты сам не хворал!

Байдак улыбнулся и прочитал стихотворение. Интересно, эмоциональный рисунок и беспокоящее напряжение.

– А ты мог бы на бумаге изобразить? Напечатаю в скором выпуске «Вольного Листа».

Вытаскиваю ручку и блокнот. Мирослав Байдак выводит каракули на клеточном обрывке. Криво и косо, но разберу. Слово дал – опубликую. Жму руку Мирославу и заскакиваю в троллейбус – меня обсчитывает кондуктор, ей мелочи мало. Спорить бесполезно. Она в ауте безапелляционной правоты. Утверждает, что я не добавил для приобретения билета энные копейки. Смела горсть монет в подол, где звенела выручка, и ничего не докажешь.

«Возьмите пятак – это вам подарок мой к весне и самому замечательному празднику на планете...» Пять ко-

пеек опускаю ей в ладонь, вновь щелкают двери – захлопывается и этот отрезок реальности. Рогатый транспорт дребезжит, скатываясь на уровень областной налоговой инспекции, редакции газеты «Комсомольская правда» в ее днепропетровском варианте и еще ниже.

А ведь и дома успел побывать – наскоро перекусил. Для ребят из «Гипсового сада» купил печенье и мандарины – не грызть же им стены, бетонные перегородки на тринадцатом этаже главного корпуса ДНУ, давясь чувством голода в предвкушении полемических пикировок. Они заточены под крутой разбор свежих поэтических и прозаических наработок. С университетской страстью изучим строение авторских миров, извлекая нити подоплек – тайных, подспудных смыслов.

Недолго ждал студийцев. Они не запылились – да и как могли покрыться звездной пылью, когда дождь в гармонии со снегом шлепает опаздывающих чавкающей грязью?

Сергей Тесля и Саша Гусев оказались фанатичными киноманьяками. Жонглировали осведомленностью. Десятки фамилий режиссеров подбрасывали к потолку, гремели актерские имена – полоскали уши тех, кому важнейшее искусство не делает погоды в повседневности. Тесля талдычил с европейской стороны, Гусев топил за Голливуд, и это логично – пишет сценарий про копов, черный нуар. Детский кино клуб, а не интеллектуальная организация по штурму высот литературных.

Стас Зимогляд и его приятель – политолог Паша со второго курса – послушали и начали зевать. Соскучилась по прозе и поэзии филолог Ксения Молоткова. Раньше всех покинула «Гипсовый сад» – ушла в сад настоящий, ботанический, гулять Евой по эдемскому раздолью. Лифт съел этажи у Ксении, а ножки привели к деревьям, оранжереям, к тропинкам растительных планет, где ей не встретились следы невиданных зверей.

Посетовал перед собравшимися:

– Вы знаете, мы сейчас обсуждаем превосходные события мировой словесности, чуть ли не лауреатов Нобеля да и кинематографа, но на улице Карла Либкнехта в Доме архитектора в эти минуты идет представление книги Андрея Поспелова «Стихотворения и поэмы». Как жаль, что не успеем туда! Надо было подумать о выезде, но теперь поздно мобилизоваться...

Трамваи под вечер спят, медленно шевелятся в густом клее пробок, и на шоссе будем долго вариться-томиться в котлах – железных чрева утомленных машин. Так что потолкуем!

– Кто хочет прочитать новенькое?

Непривычно легкой ощущалась сумка. Не отягощала ее книга драм и поэм Перси Биши Шелли – до студии сдал ее в библиотеку. Под конец книги надоело листать страницы, читать. Уж слишком вязко и длинно лепится одно за другим. Читаю с мукой предисловие к поэзии Фердинанда Пессоа: как много псевдонимов и личностей-клонов придумал этот автор! Мифологией застил дни свои: был мифом и погонял мифы. Сквозной миф.

Однако студия «Гипсовый сад» вдохновила шквалом разнообразия, отнюдь не смутила взрывом непересекающихся реплик – появилось желание загодя готовить объявление, чтобы кого-то из посторонних посадить на крючок. Охота и рыбалка, ёлки-палки!

Надумал уже завтра первый, третий да двенадцатый этажи первого корпуса ДНУ облепить своей листовкой – украсить рекламные места. Потешу воображение тем, что быть студентом-литератором не горько в сей день – 25 февраля 1998 года. Но и естественно – после ночи – 26 февраля.

Повстречался канадец. Молчаливый. Да Сергей Тармасин, пыхнувший какого-то зелья в подворотне. Хотя версия дежурная, почудиться могло: тезка Есенина отка-

зался-таки «втыкнуть драп» – обиделся пионер, обратившийся к нему с этой затеей, обескураженно сник.

Центр Днепропетровска в девяностых – рассадник наркомании. И подпольной продажи фальсифицированной водки. Не шучу. От улицы Карла Либкнехта и Центральной до площади Ленина, улицы Челюскина и прочих – вотчина наркоманов, беспризорных детей, прячущихся в аварийных домах. Однажды услышал краем уха обычный треп: «Бабка пенсию получила – дюжину лазоревых железяк, и охота потратить на эфедрин. Зарядить баян в изнеможении – такая усталость...»

А может, это был вечер галлюцинаций, который частенько случается в окрестностях Центрального универмага, «Детского мира», гостиницы «Центральной».

Наркоманы мрут с ужасающей скоростью. Сегодня Змей был – завтра ускользнул в щель мрака небытия из-за передозировки. Будущего нет наркоманам, как пела британская музыкальная группа, состоящая из наркоманов. Для остальных будущее возможно.

14. Конец февраля

Под конец февраля у меня иссякли деньги. На проезд пришлось занимать две гривны у Дмитрия Обьедкова. Сокурсник с факультета международных отношений безропотно одолжил, добавив:

– Не робей и не стесняйся! Дело житейское.

(Дмитрий Обьедков – единственный из журналистов-международников выпуска 2001 года, кто защитил диплом на тройку и умер вскоре после окончания ДГУ.)

Аудитория в конце коридора, в боковом ответвлении на пятом этаже физико-математического корпуса – помещение, обставленное рядами громоздких парт. Свободного пространства мало: оно возле доски да ближе

к окну, где установлен книжный шкаф, – к нему и тянется рука, чтобы вернуть на полку ветхий журнал «Вопросы литературы» за январь – февраль 1992 года.

Шесть лет назад вышел номер и, к моей радости, попал на факультет журналистики, а я сегодня, 26 февраля, возвращаю туда, откуда взял, – пусть и другие студенты поплещутся в потоке теоретических страниц, повествующих о былом и нынешнем с научной колокольни.

Наталью Иванову – преподавателя культурологии – я попросил принести книгу Йохана Хейзинга «Homo Ludens». Она не забыла и после ленты, которую провела с вдохновением, протягивает. Беру и благодарю.

Оглушительный звон оповестил о начале перемены. Первое занятие – разгон сна, еще не все пробудились. Оттого заторможенные, неторопливые шаги к двери. Как будто лекционное колдовство заморозило скорость наших реакций насквозь. Кадры замедленной съемки – впечатление замерзающего времени готово фальшиво сверкнуть в ожидании типичных разговоров о том, как проблематично на Украине в канун весны.

Сложности – индивидуальные, но с одной справляюсь наверняка: две гривны отдаю Диме Обьедкову. Вчера одолжил на транспортные расходы, теперь говорю «спасибо!» и если нужны рецензии на театральные постановки – пожалуйста, обращайся. Да только с разумением предмета.

В прошлом году оказал «медвежью услугу» Игорю Туркеничу: отозвался о «Шопениане» – спектакле, просмотренном в театре оперы и балета. Кто мог предположить, что Игорь не знаком с индийской мифологией? У него затребовали пояснить, расшифровать образ гигантского яйца и выпадающей из него стайки инопланетян. В ответ – молчание, взгляд исподлобья или неуверительное мычание чистого непонимания. Да и надо было

всего лишь сказать: яйцо – это символ зарождающейся вселенной, а инопланетные творцы – наши прародители, космические сеятели, бросившие зерна на вспаханные поля Земли. Так и возникли люди. Ему поставили двойку. Хорошо, что в угол не поставили.

Вспоминал, как вчера Сергей Тесля досаждал Александру Гусеву в споре о европейском и американском кино. Саша спокойно, академично восхвалял США – за океанскую индустрию грез. Серега эмоционально жестулировал, разошелся в комплиментах. Утверждал, что режиссеры Британии, Франции, Германии и актеры на порядок выше. Его не перекричишь и не переубедишь. Весь мир против Америки! У кого возражения? Так случилось: «Свободная Европа» истерикой заглушила «Голос Америки».

15. Кафе «Тройка»

Завтра февраль кончится. Я отягощен проблемой денег. Не хватает мелочи на транспорт. Гривну взял в долг у тезки Гусева – понадобился гелиевый стержень.

В троллейбусе от улицы Титова до проспекта Гагарина – Гладышев, боюсь не вспомнить его имя, затерялось в студенческой сутолоке незапланированных встреч.

Гладышев замещает руководителя юношеской литературной студии Игоря Петровича Пуппо. Студия в подвале игровых и технических секций обретается в ближайшей подворотне от областной детской библиотеки на улице Дзержинского. Низкие потолки препятствуют распрямлению амбициозных акселератов: смотреть свысока здесь затруднительно в прямом смысле.

Проносится по улицам троллейбус, и в такт мельтешению кварталов – разговор о том, как мельчает система образования будущих филологов.

– Товарищ, – я говорю, – пять лет назад поступал на русский филфак и даже поспорил на ящик водки – обещал напоить начинающую писательницу Олю в случае поступления. Да провалил последний экзамен. Так вот, знакомый поступил, и его я недавно видел. Летом 1993-го мы говорили о Хлебникове, Маяковском, Кручёных. А сейчас тот бросил читать: не интересуется прозой, поэзией. Отравился он яблоком современного филологического познания, профессионально копать в окаменелостях нынешней словесности не хочет. Впрочем, вдруг это исключение? Всякое случается. Кто-то из равнодушных филологов станет увлеченным читателем, вырастет в критика, популяризатора сегодняшней литературы?

Гладышев толкует об ином: увеличивается прием на украинскую филологию за счет оттока русской. Студенты о поэтах и писателях теперешней России – ни слухом ни духом. Кто сейчас в роли властителей мысли? Виктор Пелевин – король публикаций «Нового мира» и «Знамени». Какая-нибудь Людмила Петрушевская... Их опусы на уровне классики конца девятнадцатого и начала двадцатого столетия? Какой материал – такое и отношение. Научные конференции в университете погрязли в рассуждениях об акмеизме и символизме – это последний писк в исследовательской моде. Даже до метареалистов, концептуалистов и метаметафористов днепропетровские филологи не дотянулись – может, и хорошо. От «измов» толку нет. Единственный нормальный – реализм. Да, но посчитай, товарищ, еще фантастику, разросшуюся десятками, а то и сотнями побочных направлений.

Приближается громадина главного корпуса ДНУ – значит, нам к нему дорога. Взбегаю по этажам для расклейки объявлений о мартовском сборе «Гипсового сада», ристалище, как обычно, в лаборатории украинского фольклора: станем алхимиками. Пока не взорвемся в мас-

штабах вселенной – испытанием на прочность уши, речевой аппарат, умы, обозначая и вычисляя болевые точки времени.

Поднимаюсь. На лестничной клетке бушуют маскарадные волны: Дима Липин – филолог немецкий, Марина – русский филолог, Лилия Тихонова – поэтесса и рок-певица, эпатажный Паштет. Лифты наполняются телами. Студенты и преподаватели мчат вверх, этажи падают к их ногам цифрами на электронном табло.

Увлеченность моя в продвижении литературной студии забавляет историков и филологов. Казалось бы, это их культовая территория – пастбище, где они могут разгуляться – жевать интересную травку свежих, экологически безопасных новостей, резвиться в мыслях и при желании давать молоко потрясающих эссе. Нет-нет, они не появляются в «Гипсовом саду». Мудрствуют в общежитии, как обозленные сварщики, матерятся до голодных колик и не охочи к духовной пище, не действуют их органы поедания в стороне от блюд из разряда «самобытных».

Путь к журналистам лежит через стадион. Привычное расстояние от края ботанического парка до вершины оврага и асфальтовой дорожки за шлагбаумом пересекаю в бодром темпе.

– Владимир Дмитриевич, а вы принесли журналы?

Буряк морщится, лоб хмурится, слышатся шутливые интонации:

– Звиняй, старый я. Поки що читаю.

Ладно, пусть библиотека с возвратом номеров подождет – кандидат наук знаниями насыщается. Скоро его изыскания обогатятся терминологией невиданной, взятой прямиком из московских изданий. Теория журналистики днепропетровского университета настроена на волну столицы нашей Родины. Прекрасно – не буду торопить: изучает, и замечательно.

Наталье Ивановне Ивановой – преподавателю культурологии – обещал и принес «Артикль» 1994 (№ 10–11), в номере – мой литературный дебют, и в выходных данных написано: «Александр Мухарев – заместитель главного редактора». Ровно четыре года назад подборка стихотворений представила читательскому суду, припоминая отдельные строки:

Истины стены
Над берегом бегом
Дня перемены
Меняют успехом.

О чем, спросите вы? О том, что исторические стены могут падать, и очень быстро. Наглядный пример – Берлинская стена. И возникает новый день, который под руинами подлинного народовластия вводит иные пароли успеха: шифры и коды западного вторжения.

Еще отрывок:

Холод из форточки
Синхронен треску телевизора.
Закутанная по уши ситуация –
Знаю ее радость и геноцид.

Так было и есть на Украине, допустим, в Днепрпетровске.

Отопительный сезон выполняется из ряда вон плохо. Когда на улице температура минусовая, в квартире продирает озноб, и никакой анестезии. Ложь телевизора – как соль на сало: кому-то жизнь облегчает, а кого-то выводит на протестные митинги. Российский природный газ – единственное спасение в лютом холоде и обогреватели, которых днем с огнем. Россия – это радость, нынешний холодомор – геноцид, разумеется.

Также процитирую и такой фрагмент:

Когда будущего узкая бритва
Сотрет с пьяной рожи хмель и пожар,
Признаюсь в том, что исполнил давнюю клятву...

За дословность не ручаюсь: четыре года минуло! Да, вы угадали – это про Ельцина. Когда же бритва справедливости с его портрета слижет хмельной пожар?

Эти и другие стихи прочитает Наталья Иванова. Посоветовал ей обратить внимание на остроумную поэму Андрея Жвакина «Ангел сюрреализма». Две строчки из нее навсегда застряли в моей памяти, до последнего вздоха:

Мой вопрос к человеку в троллейбусе:
– Вы выходите из собственного тела?

Время исчезает. Не успеваешь моргнуть глазом, как четыре часа растворились в котле читального зала городской библиотеки. Тут всё предрасположено к тому, чтобы не замечать действительности. Высокие потолки, просторное помещение и любимое место у окна – иллюминатор во внешний космос. Отрываешь взгляд от печатной страницы и наблюдаешь картины трамвайной остановки, пересекающей аллею, тянущуюся посреди проспекта Карла Маркса. На пересечении гостиницы «Украина» и с другой стороны центрального универмага, кажется, ты в клещах или в тисках. Движение толп человеческих порождает особое внимание к окружающему миру: центр Днепропетровска, точно воронка, ускоряет время к масштабу: секунда – час, засасывает в забвение или выбрасывает на высоту житейских обобщений. Читальный зал библиотеки – островок бессмертия. Ты – вечный читатель на городском празднике жизни. А может, больше четырех часов прошло?

Очи ничего, кроме чтения, и знать не хотят. В двенадцатом «Знамени» за прошлый (1997) год упоминается Герман Лукомников – поэт, известный под псевдонимом Бонифаций. Вспомнилось, как останавливался у него в Москве в ноябре девяносто третьего года. Был комендантский режим в столице, и лица всех выражали скорбь по погибшим в боях народного восстания, которое безжалостно подавили.

Главред «Артикля» Юрий Малиночка посоветовал поселиться у Вилли Мельникова – дал его телефон, и по приезде на Курский вокзал я тут же позвонил этому фотографу и полиглоту, но получил отказ в ночлеге. Что делать? Поехал в редакцию «Гуманитарного фонда», где познакомился с земляком Игорем Сидом, он и сотрудники газеты порекомендовали Бонифация: примет. Да, согласился приютить. Если бы не Руслан Запасчиков, могло быть всё хорошо, но это уже другая история. Поразило в «Гуманитарном фонде» изобилие книг: двухкомнатное пространство с простецким компьютером наполнено поэтическими сборниками Константина Кедрова, Николая Байтова, Нины Искренко, Алексея Парщикова – лежали нераспечатанными пачками в рост баскетболиста, и стопы газет кидались в глаза экспериментальной версткой. Пришло понимание, что нахожусь в одном из центров авангардной жизни Москвы.

Вообразил себя в библиотеке, как на борту океанского лайнера. Посмотрел в иллюминатор. Кого вижу? Алексей Щуров или Щупов: буква «р» или «п» в его фамилии – не смею констатировать. Одноклассник. В одной школе учились с 1983 по 1985 год. И страшно боялись козла.

На уроках физкультуры я пугался спортивного снаряда: вдруг с разбега ударюсь на середине или далеко-далеко перелечу? Ползание по канату внушало легкий ужас высоты: не закачает ли под куполом школьного цирка?

Другом по несчастью оказался Щупов (или Щуров). Конечно, все эти комплексы мы победили. Но что заметил? Во втором или третьем классе Алексей сочинял рассказы, вирши. Но почему его имя до сих пор не в литературе Днепропетровска? Хотя бы в районном еженедельнике Красногвардейского или Кировского. Захотелось выскочить на проспект – затормозить Лёшу: как творческие «узбеки»? Успехи нарастают? Не дно же ты скребешь, а царапаешь небо? Человек исчез невидимкой. Показалось, что это АЩ?

Последний аккорд в концерте чтения – стихотворения Дерека Уолкотта в «Иностранной литературе». Удивила «неслыханная простота» поэзии нобелевского лауреата: всё ясно и понятно в переводе на русский язык. Наверное, поэты-лауреаты Нобеля более схожи, чем прозаики. Бродский, Уолкотт, Перс и другие – не только политические взгляды их роднят, но и стилистика. Когда-нибудь критики и теоретики проанализируют, если на русском издадут всех-всех лауреатов.

Я вышел в сумерки, когда истекли последние минуты библиотечного обслуживания. Для контраста нырнул в музыкальную пучину кафе «Тройка» за фасадом «Детского мира», где сворачивает первый трамвай, – тут недобитые остатки неформальной молодежи со временем играют, приспособиваясь к реалиям капитализма, в минимальной степени ему сопротивляясь. Тематика песен мало чем отличается от эстрадной продукции ТВ.

Пел Дмитрий по прозвищу Шериф. Первое – восхищение пивом (чем не «Дискотека авария» днепропетровского розлива?). Второе – о красоте и водке (конкуренция с разномастным шансоном в пропаганде внутреннего приема сорокоградусной жидкости). Третье – о том, как «радуга своей непорочностью капает на мозги» (не это ли мотив раскрученной группы «Монгол Шуудан», местная

перепева). Четвертое – как мне хреново (распространенное настроение в девяностые годы, когда приватизационный каток загубил миллионы жизней советских людей).

В «Тройке» – тоскливый набор лиц, на сцене уходящего в пустоту времени те, кто мог бы сказать пару-тройку слов для будущей книги о подпольной культуре (или антикультуре) Днепропетровска на переломе восьмидесятых и девяностых: Евгений Янчицкий – лидер музыкальной группы «Гнездо черепахи», Дмитрий Викторов по прозвищу Дик (по автору романа «Помутнение»).

Чувствуется в предпоследний день зимы, что нынешняя атмосфера больше никогда и нигде не повторится, точно застывшая правда поселилась в углах кафе и с каждой репликой она усиливается, чтобы опасть увядшим рекламным листком и впредь не тревожить никого из нового тысячелетия. О чем думают эти ребята, пьющие крепкие напитки? Даже знать не хочется, потому что литературный водораздел, а еще кинематографический, культурный, образовательный лег между нами. Да, они могут с интересом потреблять необычные стихотворения и романы, но боюсь, что внутренней энергии ни у одного из присутствующих не хватит, чтобы сотворить и выпустить самую захудалую книжку, где-нибудь напечататься или организовать концерт, который бы приобрел мифический и легендарный вес. Почему у меня вдруг гордыня, откуда явилась? Неужели четыре часа в читальном зале городской библиотеки так повлияли на сознание?

На закуску появляется Гоголь. Вот уж кого не ждали. Он пьян, городит невесть что. Дик из жалости наливает стакан. Протягивает Гоголю. Это и становится символом «Тройки»: братание и распитие алкоголя условного автора «Помутнения» с не менее условным автором «Мертвых душ».

Генеральную уборку бы провести в городе. Хотя бы для начала в культурном и эстетическом измерении. Все упа-

дочные анекдоты написать и выставить на всеобщее обозрение, чтобы Днепропетровск понимал, куда он плывет, к чему стремится в канун глобальной смены декораций.

16. Краски переживаний

Приснилась добровольно-принудительная акция: в большинстве продуктовых магазинов, универсамов, тенётах подземных переходов запестрели объявления «Мы дарим вечную жизнь!». Выстроились две очереди. В первой – наши милые граждане в простой одежде и наивной надежде стать бессмертными личностями. Вливаются в поток, идущий на переделку, – теряются обновленцы за черными шторами.

Затем в сияющем громе праздничной музыки торжествует вторая очередь – выходят существа со стандартным блеском в глазах – рядами счастливых биороботов. Облачены в белые корпуса, мигающие переливом кнопок. В лицах – высшая гармония, радость включена, бесконечна в фантастических усмешках и ужимках. Что сделали с ними в тесных кабинках, какие операции над психикой? Какая физическая и метафизическая переработка осуществилась в процедурном расписании акции «Мы дарим вечную жизнь!»?

Граждан готовят к массовой переброске за пределы Земли – находить и выкапывать полезные ресурсы в поясе астероидов? Разве обычных кибернетических механизмов недостаточно? Да поглядите: вечных персонажей с учтивыми физиономиями на улицах ваших городов с каждым днем всё больше и больше.

Неужели это преддверие весенней агрессии – сокрушающей силы любви в физическом ее понимании, сметающей кордоны, рамки отношений между мужчиной и женщиной, когда учитываются лишь моменты удовольствия,

призванного продолжать линию поколений, а не обрывать ее на пике наслаждений.

Я читал журнал «Семья и школа», где во всех откровенных подробностях, со вкусом и детализацией рассказывается об интимных гранях, – издание для преподавателей школ, родителей, для всех, кто интересуется проблемами образовательной системы. Нынешний номер – это что-то. Кто надоумил отдать страницы «Семьи и школы» тематике секса? Какой в этом педагогический смысл? Недостаточно проявлений крутой эротики на телевидении – включите после одиннадцати вечера, и пожалуйста, горячей некуда. Потому и снилось то, что маркируется в зрелищных показах числами 16+ или 18+.

Подводил лирические итоги за зиму: декабрь 1997-го – февраль 1998-го. От меня ушла Галя. Окружающий мир потерял глубину чувств и краски переживаний. От навалившейся пустоты и серости спрятался в чтение толстых журналов, робкое сочинительство и подготовку своей крупной брошюры на сорок страниц мелкого шрифта с диапазоном жанров: от дневника и заметки до репортажа и очерка, эссе, а кроме того и множество рифмованных текстов представляю в сборнике «Фетиш судьбы». Сборник – мое убежище от вакуумного взрыва любви, опустошившего голову и оставившего меня одиноким в городе красивых девушек.

Что еще? Смотрел «Огонёк» про ядерные испытания – жгучий материал: возможен ли полноценный атомный взрыв при недостатке уранового компонента? Информацию переводил на рельсы любви, на ее хрустальные параллели.

Нейтронная бомба свалилась на вселенную моих иллюзий, крепко накрыла. Без Гали в Днепропетровске жизнь – механическая, тусклая. Утешает советская песня, выражая потерю настроения: «Весь день я жду кого-то. Мне грустно отчего-то...» и так далее. Уж совсем какая-то катастрофа любви постигла.